

С.И.Каспэ

ПРОТИВ АВТОНОМНОГО СУБЪЕКТА: КАК НЕЛЬЗЯ И КАК МОЖНО ИСПРАВИТЬ ПОЛИТИЧЕСКУЮ ФОРМУ

Здоровое общество можно построить, только противопоставив добро злу и поддерживая высокое напряжение между тем и другим.

Курт Воннегут

Корень зла — в нейтралах, в несоединении.

Энтони Берджесс

Я говорю о войне, по сравнению с которой обычные войны просто ничто.

Энтони Берджесс

Ключевые слова: автономия, субъект, политическое, политическая форма, политическое зло, российская политика

Констатации ушербности, нездоровья и ничтожества российского политического бытия уже довольно давно остаются местом если не общим, то близким к тому. Даже несомненные лоялисты, причем в первую очередь лоялисты искренние, остро ощущают, что самоё сердцевиной российской политики разъедает какой-то глубинный порок, — иначе с чего бы им наперебой искать его первопричину и предлагать средства его исцеления (различной и преимущественно отрицательной степени пользительности). Есть, конечно, и те, кто упрямо демонстрирует нарочитую бравадность речей и восклицаний, кто верен завету графа Александра Бенкендорфа: «Прошедшее России было блестяще; ее настоящее более чем великолепно, а что касается будущего, то оно превосходит все, что может представить себе самое смелое воображение. Вот, дорогой мой, с какой точки зрения следует понимать и описывать русскую историю»¹. Но как раз в их голосах особенно слышна какая-то нервная дрожь, какая-то неуверенность и в прошедшем, и в настоящем, а пуще всего в будущем — и чем громче фанфары, тем заметнее страх, терзающий фанфаристов и фанфаронов. Впрочем, это суждение неверифицируемое, взгляд «включенного наблюдателя» и только. Перейдем к вещам верифицируемым.

¹ Эта знаменитейшая цитата — даже и не цитата вовсе, а «анекдот». Во всяком случае, именно так она определяется в первоисточнике — мемуарах Михаила Жихарева, где с чужих слов пересказывается разговор Бенкендорфа с генералом Михаилом Орловым (см. Олейников [Olejnikov] 2009: 291). Однако... *se non è vero, è ben trovato.*

Но прежде того необходимо решительно отстраниться от двух самых распространенных способов объяснения политического неблагополучия России, по видимости противоположных, но в сущности сходных. Один способ отсылает к «культурным кодам» и «цивилизационным циклам» (мало отличимым от «духовных скреп»), к некоей «Русской Традиции» и «Русской Системе», самодовлеющей, самодвижущейся и самовоспроизводящейся. «Путин — это Ельцин сегодня...», «Сталин — это Ленин сегодня...», «Сталин — это Иосиф Грозный», «Гайдар и Чубайс — большевики...», «Великий Петр был первый большевик...» etc., etc. История двоится, троится и распадается, ее живые действующие лица превращаются в безвольных мурзилков, влекомых тупой неотвратимой силой — которой, кстати, так и не находится ни хоть сколько-то убедительного названия, ни хоть сколько-то операционального определения. Ну вот какая-нибудь «властесобственность» — что с ней делать, кроме как ужасаться и сокрушаться?

Другой способ состоит в поиске фатальных *исторических ошибок* — единичных действий, совершенных (или не совершенных) в тот или иной момент времени. «Ах, если бы Ельцин не расстрелял Белый дом?!» — а, видимо, покорно ожидал бы собственного расстрела... «Ах, если бы Ельцин не стал выигрывать выборы 1996 г.!» — а, видимо, просто отказался бы от деятельной кампании или устроил бы переворот вместо выборов (что поначалу было самым вероятным сценарием)... «Ах, если бы Ельцин взял в преемники не Путина!» — а кого, хотелось бы поинтересоваться? И что случилось бы потом? Тот же ряд, развернутый в обратном хронологическом порядке («Ах, если бы Горбачев не...»; «Ах, если бы Хрущев не...»; «Ах, если бы Государь Император не...»), с неизбежностью приводит к возложению всей исторической ответственности за *пути России* на призвавших Рюрика новгородцев. Ну или на неандертальцев, которым при желании тоже найдется что предъявить. Эвристическая мощь этих каузальностей мало отличается от известной теории, выводящей исход битвы при Ватерлоо и все его политические последствия из насморка Наполеона.

На самом деле оба дискурса построены на отрицании свободы воли. Первый отрицает ее явно. Второй — чуть более прикровенно, но тоже отрицает, поскольку постулирует непреложную зависимость жизней и судеб миллионов человеческих существ от уникального акта, совершенного одним из них (да хоть десятком из них), причем на годы и годы вперед, до следующего такого акта. В интервалах же между ними места для свободы воли нет, а есть лишь «зависимость от колеи» (path dependence), да еще и трактуемая самым грубым, примитивным образом. Впрочем, и то, насколько был свободен в момент ошибочного акта сам совершивший его актер и был ли он свободен вообще, остается под вопросом — его ведь тоже всегда можно вписать в какую-нибудь колею либо объявить «случайной фигурой», марионеткой в руках семейной или придворной камарильи...

² Корректно выражаться следует именно так. Утром 4 октября 1993 г. расстреливали не парламент (с точки зрения конституционного права это было далеко не парламент) и даже не Верховный Совет как корпус народных избранников (ни один депутат не погиб и не был ранен), а здание как физический объект (Краснопресненская набережная, д.2) и символизируемую им советскую власть как институт. Что, разумеется, не отменяет скорби по так толком и не посчитанным жертвам той скоротечной, но кровавой гражданской войны.

Гораздо больший интерес, чем эти скучные спекуляции, представляют объяснения аналитические. Причины трансформаций, претерпеваемых политией, следует искать прежде всего в свойствах самой политики. Причем в свойствах не имманентно присущих (нет таких свойств ни у одной политики) и не легко переменяемых демиургами, относительно которых еще и никогда не понятно, действуют ли они обдуманно или наобум (не бывает таких демиургов), а эмпирически обнаруживаемых в политической реальности. Эти свойства пластичны. Однако их пластичность не абсолютна: они образуются и преобразуются не в результате разового «перевода стрелки» на рельсах истории, а как непрерывно колеблющаяся равнодействующая множества разноприродных и разнонаправленных факторов. Они наблюдаемы в достаточно длительной временной перспективе (иначе они могут претендовать только на статус флуктуаций — не свойств). Но ни одно из них не является приговором.

Работа по обнаружению таких свойств ведется, и некоторое количество заслуживающих внимания гипотез уже выдвинуто. Здесь будет разобрана только одна из них — та, что в качестве отправной точки своего развертывания фиксирует нехватку или даже отсутствие в российской политике автономной политической субъектности (и, соответственно, автономных политических субъектов — то есть, в первом приближении, индивидов и групп, способных а) самостоятельно формулировать свои политически релевантные ценности и/или интересы; б) переводить их из плана рефлексии в план действия). На языке социальной и политической науки об этом писали (в разных выражениях и с разными интенциями, но весьма близко по сути) Оксана Гаман-Голутвина³ и Владимир Гельман⁴, Алексей Зудин⁵ и Ричард Саква⁶... Той же темой буквально пронизан коллективный труд Льва Гудкова, Бориса Дубина и Юрия Левады⁷ или, например, впечатляющий фолиант фонда «Либеральная миссия», изданный под общей редакцией Игоря Клямкина⁸. Впрочем, по датам публикаций хорошо заметно, что лет пять назад эта проблематика начала уходить из научной литературы — скорее всего потому, что перестала восприниматься как *проблематика*, как нечто заслуживающее пристального исследования и превратилась в самоочевидный фон любых событий и процессов. О дефиците автономной субъектности теперь толкуют не столько в политической науке, сколько в политической публицистике (качественной, разумеется; некачественная и слов-то таких не знает)⁹.

Действительно, отсюда легко вывести (точнее, сюда легко свести) такие наши общественные недуги, как массовый (да и элитный) патернализм, массовую (да и элитную) сервильность, политическую апатию, оригинальным образом сочетающуюся со способностью к мгновенному политическому воспалению¹⁰, отсутствие сколько-нибудь убедительной оппозиции и проч., и проч. Но легко — еще не значит правильно. Похоже, тут совершается серьезная ошибка.

«Автономный субъект». Оба слагаемых этого составного понятия нуждаются в дополнительном прояснении, определении — или, точнее,

³ Гаман-Голутвина [Gaman-Goluvina] 2006.

⁴ Гельман [Gel'man] 2010.

⁵ Зудин [Zudin] 2002, 2004, 2007, 2008.

⁶ Sakva 2010, 2013.

⁷ Гудков, Дубин, Левада [Gudkov, Dubin, Levada] 2007.

⁸ Клямкин [Kljatkin] (ред.) 2007.

⁹ Навский: Павловский [Pavlovsky] 2014, 2015; Сафронов [Safronov] 2014; Согомонов [Sogomonov] 2014.

¹⁰ Впрочем, не столь уж оригинальным — биполярные аффективные расстройства (они же, в устаревшей терминологии, маниакально-депрессивные психозы) хорошо известны профильным специалистам.

в анатомировании того контингентного множества значений, которое они в себе несут. Определение вовсе не обязано быть однозначным, и не всегда можно «договориться о терминах» — поскольку, по меткому замечанию монтера Мечникова из «Двенадцати стульев», «согласие есть продукт при полном непротивлении сторон». А откуда бы взяться непротивлению сторон, когда речь заходит о «сущностно оспариваемых концептах» (essentially contested concepts) по Уолтеру Галли¹¹? В интеллектуальном поле такие инициативы выдвигаются всегда лишь одним из многих (потенциально бесчисленных) участников дискуссии и в отсутствие средств принуждения к консенсусу остаются только полемическим приемом. Впрочем, контингентность понятия почти никогда не случайна и часто продуктивна. Хотя бы потому, что сказавший «а» (например, «автономный субъект») ipso facto говорит не только «б», но и, например, «ы» — и должен отдавать себе в этом отчет. В том числе для того, чтобы не сморозить лишнего. Такого, о чем потом придется пожалеть.

¹¹ Gallie 1956. *Интересно и необычно, что брошенного Галли в темные воды социальных наук, продолжают расхаживать и полвека спустя (см., напр. Collier, Hidalgo, Maciuseanu 2006).*

Сначала об «автономии». На протяжении большей части человеческой истории об автономии говорилось (конечно, там, где говорилось) только применительно к сообществам, политиям. «Для греков проект автономии был по сути своей общинным. Полис именовался автономным, если он управлялся собственными законами, установленными через коллективное обсуждение (deliberation) и участие, а не навязанными извне. Грекам не приходило в голову приписывать автономию изолированным индивидам, действующим в соответствии с самостоятельно выработанными, внутренними законами <...> Греки понимали автономию как исторически обусловленный, находящийся в постоянном движении совместный проект, требующий такой социализации свободных людей, которая наделила бы их свойствами, необходимыми для участия в автономии в качестве граждан»¹². К этой в целом точной характеристике стоит добавить еще один аспект, о котором Тайлер Крупп умалчал: античная автономия совсем не была синонимична суверенитету в его современном понимании. Полития, автономная во всем, что касалось ее внутреннего устройства и жизни, вполне могла в то же время входить в состав более крупных политических образований — афинской архэ, спартанской гегемонии, македонской державы, эллинистических царств, Римской империи... Ни отказ от самостоятельности во внешних делах, ни принуждение к символическим выражениям лояльности, ни необходимость отщепления части людских и материальных ресурсов в пользу внешнего центра (впрочем, ресурсные потоки обычно были двунаправленными, и их сальдо далеко не всегда выходило отрицательным), ни резервирование за этим центром роли внешнего беспристрастного арбитра, в экстренных и экстремальных случаях берущего на себя функцию урегулирования гражданских конфликтов, — ничто из этого не воспринималось как наносящее ущерб автономии политического сообщества. Просто потому, что ничто из этого не входило

¹² Krupp 2010: 102.

в первоначальный состав понятия. Такое сугубо (и даже еще более) ограниченное представление об автономии сохранилось, между прочим, в церковном праве: зависимость автономной церкви от материнской (кириархальной) существенно глубже, чем церкви автокефальной, и подразумевает самостоятельность исключительно в текущих делах внутреннего управления, но не в поставлении предстоятеля; да и устав такой церкви хотя и вырабатывается собственными силами, подлежит утверждению материнской церковью¹³.

¹³ См. Цытин [Cypin] 1994: 161.

Отсюда следует, что автономия в ее традиционном понимании, во-первых, прямо отсылает к понятию закона, которому индивид подчинен, причем отнюдь не потому, что он произвел его из себя, персональным усилием: наоборот, сам индивид специально производится и обрабатывается, чтобы быть в состоянии следовать закону. Автономия означает только специфический способ легитимации такого закона (через участие индивида в делиберативных процедурах его принятия и последующих изменений), не имеющий, однако, ничего общего с самочином и своеволием. Во-вторых, автономия совсем не исключает субординации — она всего лишь определяет место, ранг и модус функционирования автономного сообщества в той или иной системе иерархических отношений.

Крайне редко бывает так, что персональную ответственность за радикальную перемену смысла понятия можно уверенно возложить на одного-единственного человека. В том, что касается понятия автономии, это сделать можно, и легко. Новый его узус (теперь, пожалуй, преобладающий) измыслил Иммануил Кант — самым что ни на есть волюнтаристским образом. Сообщество и индивид в его построениях поменялись местами с точностью до наоборот, причем никаких аргументов (кроме чисто спекулятивных и даже как таковых сомнительных) в пользу приписывания способности к автономии индивиду, а не сообществу, в пользу объявления именно индивида источником закона предъявлено не было. «Нас не удивит теперь, почему должны были оказаться неудачными решительно все предпринимавшиеся до сих пор попытки найти принцип нравственности. Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы <...> Я буду называть это основоположение принципом автономии воли»¹⁴. «*He догадывались*»; а Кант, стало быть, *догадался*. Итак, целая философия — и какая философия! — была воздвигнута на «догадке»...

¹⁴ Кант [Kant] 1965: 274—275.

Более того, то, что для самого Канта было по-настоящему серьезной проблемой — а именно причинная обусловленность всякой истинной морали и, следовательно, всякого истинного закона исключительно автономией воли (скрупулезному обоснованию каковой обусловленности, собственно, и посвящены «Основы метафизики нравственности»), —

¹⁵ Там же: 283—284.

¹⁶ О «культурной и институциональной „автономии зла» см. Александер [Alexander] 2013: 335. Мой взгляд на феномен политического зла (не вполне совпадающий со взглядом Джеффри Александера) представлен в Каспе [Kaspe] 2014.

¹⁷ Довольно случайным образом выбранные из почти безбрежного массива, однако весьма характерные примеры: Dworkin 1988; Christman (ed.) 1989; Hill 1991; Korsgaard 2001; Christman, Anderson (eds.) 2005; Coburn 2010; Veltman, Piper (eds.) 2014.

¹⁸ Conly 2013: 4.

¹⁹ И далеко не новой; нельзя же не видеть тут почти буквального сходства с другой цитатой, из Клайва Стейнла Льюиса: « — Человек должен взять на себя заботу о человеке. Значит это, сами понимаете, то, что одни люди должны взять на себя заботу обо всех остальных». Там, правда, проговорен еще и вывод (он же мотив): «Мы с вами хотим оказаться среди этих, главных». Роман, в уста одного из персонажей которого вложены эти слова, называется «Мерзейшая мощь». Из него — рико-

для его адептов или, лучше сказать, эпигонов проблемой быть как будто перестало. Конечно, сам же Кант первым постулировал (опять «догадался?»), что автономность воли с неизбежностью гарантирует ее моральность: «Автономия воли есть такое свойство воли, благодаря которому она сама для себя закон (независимо от каких бы то ни было свойств предметов воления). Принцип автономии сводится, таким образом, к следующему: выбирать только так, чтобы максимы, определяющие наш выбор, в то же время содержались в нашем волении как всеобщий закон <...> упомянутый принцип автономии есть единственный принцип морали»¹⁵. Но затем эта максима постепенно превратилась в не критически принимаемую аксиому (что совсем не одно и то же). Сегодня стало крайне сложно не то что утверждать, но хотя бы допустить, что автономная воля может быть аморальна, что порожденный автономной волей закон может оскорблять здоровое нравственное чувство и что воздвигнутый этой волей и на этом законе политический порядок может иметь выраженные признаки политического зла¹⁶. Сложно, если оставаться в пределах мейнстрима современной моральной и политической философии; однако и исторический опыт XX и начала XXI в., и актуальное состояние нашего беспокойного мира ультимативно требуют выхода за эти пределы. Что ж, тем хуже для мейнстрима: уж слишком его романтические трели¹⁷ диссонируют с «гулом времени».

Есть, впрочем, одна уловка, позволяющая ставить под сомнение принцип индивидуальной автономии даже и теперь. Это допускается делать изнутри левого дискурса (ни в коем случае не извне) — в том его доведенном почти до крайности изводе, который разрывает свою бесспорную историческую связь с либеральной традицией и восстанавливает свою (не менее бесспорную) историческую связь с традицией тоталитарной. Тут как раз достаточно будет единственного примера: название книги Сары Конли — «Против автономии: в защиту принуждающего патернализма» — не нуждается в комментариях. И цитаты из нее довольно одной: «Иногда единственный способ не дать кому-нибудь совершить ужасную ошибку — вмешаться и помешать свободному выбору»¹⁸. Сказано, между прочим, не об убийцах и насильниках, а... о курильщиках. Этой омерзительной уловкой¹⁹ я пользоваться не намерен; здесь предлагается совершенно иной способ проблематизации понятия автономии.

Чтобы его прояснить и привести в действие, нужно принять в расчет, что в последние десятилетия качество автономии стало приписываться не только политиям, но и политическому как таковому — тому трудноопределимому, но несомненно данному нам в ощущениях домену человеческого бытия, который Карл Шмитт обозначил энигматическим именем «das Politische»²⁰. Что в это имя вкладывал сам Шмитт и его редкие собеседники-современники и что в него вкладывают позднейшие интерпретаторы — дело темное и с каждой новой интерпретацией еще более затемняющееся²¹. Явно не случаен скепсис относительно эвристического потенциала понятия политического, выраженный

*шетом — и при-
шел тот эпитет,
которым я эту
уловку охаракте-
ризовал.*

²⁰ Шмитт
[Schmitt] 1992.

²¹ См. в качестве
минимального
введения в про-
блематику Майер
[Mayer] 2012.

²² Ахутин, Фи-
липпов [Akhutin,
Filiprov] 2013: 47.

²³ Шмитт
[Schmitt] 1992: 43.

²⁴ Множество
иллюстраций
обоего рода дает,
скажем, история
отношений рус-
ской литературы
с государством.
Собственно, в
основном из них
она и состоит.

²⁵ Филиппов
[Filiprov] 1992:
102. Ср. Eisenstadt
1963: 19. По Ай-
зенштадту, ав-
тономизация по-
литической сферы
может зйти да-
леко, и даже очень
далеко; но она все
равно остается
переменной, никог-
да не достигающей
экстремума.

не кем-нибудь, а глубочайшим знатоком Шмитта Александром Филипповым: «Для Шмитта политическое есть противостояние одного народного единства другому. Если речь заходит о внутренней политике, эта конструкция ничего не дает. Единственная попытка Шмитта рассмотреть внутреннюю жизнь как политически напряженную — его работы, посвященные устройству тоталитарного государства, в то время как знаменитые работы о кризисе парламентаризма сводятся к тому, чтобы продемонстрировать невозможность конституирования политического в разумной речи в современную эпоху»²².

И все-таки без «политического» уже невозможно представить себе терминологический аппарат наук о человеке и о человеческих обществах. Оно находится в одном ряду с такими столь же туманными, дисперсными категориями, как «социальное», «сакральное» etc., — причем туманность парадоксальным образом не снижает, а повышает их продуктивность. «Политическое» позволяет квалифицировать как релевантные политическому рассуждению любые действительно ему релевантные события и смыслы, максимально расширяя поле зрения, не ограничивая его только лишь институтами — или нормами — или поведенческими паттернами — или конфликтами — или дискурсами — или чем угодно еще. И это важно, поскольку политическим и впрямь может оказаться совершенно все что угодно. Лучше и безопаснее, чтобы обращение обычного порядка вещей «реальной возможностью физического убийства» (конститутивным, по Шмитту, признаком политического²³) настигало бы нас не внезапно, не приходило из «слепого пятна». Впрочем, случается и так, что нечто, еще недавно бывшее неоспоримо политическим, вдруг утрачивает это качество, нейтрализуется²⁴. Политическое то наступает, то отступает; оно растяжимо во всех направлениях. Растяжимо, но неуничтожимо.

Как же столь нечетко определенное (то есть не имеющее перед собой никаких заведомо непреодолимых пределов) политическое может быть автономным? Может; и именно потому может, что автономия не тождественна суверенитету, что ее границы подвижны и проницаемы. Автономия политического относительна, о чем в свое время писал сам же Филиппов, причем опираясь совсем не на Шмитта, а на принадлежащего к совершенно другой исследовательской традиции Шмуэля Айзенштадта: «Относительная автономия политической сферы означает, что определенные темы коммуникации и определенные лица как ее партнеры имеют исключительное или первостепенное политическое значение, а другие темы и другие лица исключительно или первостепенно неполитичны. Отчетливо политическое и отчетливо неполитическое служат фоном для взаимоопределения»²⁵.

Однако это видение автономии политического можно (и нужно) дополнительно сфокусировать, обратившись к содержащемуся в слове «автономия» элементу «νόμος» — закон. Ведь именно закон является генеральной темой любой политической коммуникации; и партнеры по политической коммуникации именно тот или иной закон принима-

ют или отвергают, толкуют его, обходят его или против него восстают. Тогда допустимо заключить, что политическое автономно в той мере, в какой *политические законы устанавливаются политическим же образом*, и никакой иной закон (моральный, религиозный, семейный, экономический, эстетический etc.) не обретает политической силы прямо — но только через посредство *закона политического*. Очень важно, что наличие такого средостения между политическим и неполитическим совсем не ведет к полной герметичности политического — она не более воображима, чем глухая изоляция любого другого домена человеческого существования, будь то спорт или секс. Дело в другом: неполитическое входит в автономное политическое, принимает политическую форму не *per se*, а только через известные (исторически, ситуативно и культурно специфичные) институциональные и процедурные фильтры. Исключения из этого правила бывают всегда; их частотность как раз и задает относительную меру автономии политического. Если правило нарушается чаще, чем соблюдается, следовательно, политическое не автономно.

Но, пожалуй, еще важнее обратное: если *политическим образом установленный политический закон* претендует на *прямую неполитическую силу* (моральную, религиозную, семейную, экономическую, эстетическую etc.), если он взрывает это средостение и разрушает инстинктивные себе фильтры с другой, собственной стороны, то породившее его политическое становится «главенствующим единством, тотальным и суверенным»²⁶, — то есть тоже перестает быть автономным. Потому что автономия не только относительна, но и соотносительна — она существует лишь по отношению к некоему внешнему, внеположному себе и себе неподвластному референту.

Разумеется, сама возможность такого вырождения *автономии* политического в свою противоположность была создана давно идущим в истории Запада процессом его, политического, *автономизации*²⁷. Но возможность как таковая вовсе не означает предопределенности. Случаи политической узурпации иных, неполитических прерогатив, принадлежащих иным, неполитическим инстанциям, хорошо известны и по своим последствиям более или менее (но всегда) чудовищны. Однако они, во-первых, не столь уж часты; во-вторых, обратимы, пусть даже за приведение возмнившего себя суверенным политического обратно к состоянию относительной автономии приходится платить огромную, обычно кровавую цену. В основном же западное политическое научилось (точнее, его научили) быть именно *относительно автономным*. Баланс взаимовлияний и взаимопроникновений политического и неполитического варьирует от политики к политике и от времени к времени; сегодня главенствует одна группа мотиваций, завтра другая; любая субординация доменов человеческого существования ситуативна и пластична. Франклин Анкерсмит считает, что «практическое понимание автономии политической сферы оказалось лучшим гарантом человеческой свободы»²⁸. Трудно сказать, лучшим ли — у автономии

²⁶ Цит. по: Майер [Mayer] 2012: 25. Хайнрих Майер связывает появление этих беспощадных слов в версии шмиттовского «Понятия политического» от 1933 г. (в изданиях 1927 и 1932 гг. отсутствовавших, а затем исключенных из объявленного самим Шмиттом каноническим текста 1963 г.) прежде всего с полемикой между Шмиттом и Лео Штраусом. Но не важнее ли, что то был именно 1933 г.? Очень похоже, что в следующей фразе — «...человек целиком и экзистенциально захвачен политическим участием. Политика — это судьба» — Шмитт говорил о себе. Что ж, судьба его оказалась горькой.

²⁷ О движущих силах и стадиях этого процесса см. Каспэ [Kaspe] 2007.

²⁸ Анкерсмит [Ankersmit] 2014: 24. Впрочем, во всех остальных отношениях пафоса «Эстетической политики» я категорически не разделяю. См. Каспэ [Kaspe] 2014: 20—22.

политического есть свои риски, и немалые. Возможно, она лучше иных вариантов не потому, что хороша сама по себе, а потому, что все остальные варианты, в соответствии с известным *bon mot*, еще хуже. Но разве этого мало?

Еще более сильны внутренние напряжения в семантическом поле понятия «субъект». Сегодня в языке общественных наук субъект — прежде всего тот, кто сознает себя, мыслит сам и действует самостоятельно, то ли не признавая над собой никаких внеположных себе законов и инстанций, то ли легитимируя их исключительно собственным решением. В этом доминирующем понимании субъектности есть свои внутренние вариации: скажем, «субъекта» то отождествляют с «актером», то до некоторой степени отличают от него. «Понятие „актер“ имеет смысл лишь в сцепке с конкретным социальным действием (действиями), в то время как понятие „субъект“ акцентирует скорее рациональность сознания и поведения, способность к реализации свободного выбора»²⁹. Допускается также, что субъект, как и актер, может быть не только индивидуальным, но и коллективным; впрочем, что есть коллективный субъект, как не ансамбль индивидов? Так или иначе, качества свободы и рациональности (обычно еще и моральности) не просто оказались привязаны к представлению о субъекте — сам субъект стал восприниматься как их источник, не обязательно единственный, но единственно приемлемый. Более того, давно уже ведутся разговоры о «суверенном субъекте», о «тождественности „суверена“ и „субъекта“ как результате познания суверенности и самопознания»³⁰.

²⁹ Заславская [Zaslavskaja] 2001: 6.

³⁰ Батай [Bataille] 2006: 342.

NB! Очень важно обнаруженное Сергеем Зенкиным (в предисловии к русскому изданию «Проклятой части») неочевидное сходство батаевских представлений о суверенности со шмиттовскими: «Независимо друг от друга Батай и Шмитт размышляли — один в моральном, другой в политико-правовом плане — о „предельном опыте“, в котором проявляет себя абсолютный субъект, постольку поскольку он вообще способен проявлять себя в реальной действительности. Как уже сказано, для Батая каждый человек может быть и бывает суверенным — не только политические властители, абсолютные монархи или фашистские диктаторы, в дальнейшем пленившие воображение Шмитта»³¹. Не следует ли отсюда, что в каждом «суверенном человеке» (то есть в человеке, объявленном или объявившем себя суверенным) заключены именно эти «пленяющие» и одновременно пугающие потенции? И не их ли пламенно отстаиваемая Жоржем Батаем «суверенность человека» высвобождает в первую очередь?

³¹ Зенкин [Zenkin] 2006: 33.

Как субъект приобрел столь ощутимо личностные, персоналистские черты, как ему был присвоен статус непререкаемого символического образца, универсальной точки отсчета для суждения обо всех

делах человеческих (между прочим, второе логически отнюдь не прямо вытекает из первого) — долгая история, в которой поучаствовали и Рене Декарт, и Джон Локк, и Готфрид Вильгельм Лейбниц, и Джордж Беркли, и тот же Кант, и Георг Вильгельм Фридрих Гегель, и Анри Бергсон, и Эдмунд Гуссерль... но довольно. Даже пунктирная реконструкция всего этого движения мысли потребовала бы совершенно отдельной колоссальной работы, которая к тому же не вместилась бы ни в какие дисциплинарные рамки. Главное, что движение состоялось — охватив весь корпус гуманитарного знания³² и до некоторой степени затронув и политическую науку³³.

³² Лишь некоторые обзорные и обобщающие труды: Renaut 1989; Boyne 2001; Strozier 2002; Biehl, Good, Kleinman (eds.) 2007. Более частным исследованиям субъектности и субъективности, трактуемых в вышеописанном духе, несть числа.

³³ См., напр. Samaddar 2010; Prozorov 2014.

Но с этим уже давно привычным, вроде бы банальным смыслом слова продолжают сосуществовать другие смыслы — вообще-то гораздо более старые. И их сосуществование порождает уже далеко не банальные эффекты. Subject (англ.), sujet (фр.), Subjekt (нем.) etc. — это ведь «подвластный», «подданный», то есть тот, чья свобода выбора и действия по определению не беспредельна (а иногда и совсем невелика). А суверенный подданный — *contradictio in adjecto*.

Столь странное противоречие не то чтобы вовсе не становится предметом специального внимания — но оно становится им реже, чем следовало бы ожидать. Чаще всего его просто не замечают. Если замечают, то, бывает, без каких-либо обоснований отмахиваются, как поступил, например, Батай: «Обычай суверенов говорить „мои подданные“ („mes sujets“) вносит двусмысленность, которой я не могу избежать: субъект (sujet) — это для меня суверен. Субъект, о котором я веду речь, никогда не является подданным»³⁴. Не является, и все тут — понимай как хочешь.

³⁴ Батай [Bataille] 2006: 343.

Тем не менее контингентность понятия «субъект» беспокоила еще Мартина Хайдеггера: «...само новоевропейское определение человека как „субъекта“ тоже не так однозначно, как соблазняло бы думать расхожее употребление понятий „субъект“, „субъективность“, „субъективистский“. Мы спрашиваем: как дело доходит до подчеркнутого выдвигания „субъекта“? Откуда возникает то господство субъективного, которое правит всем новоевропейским человечеством и его миропониманием? Этот вопрос оправдан, потому что вплоть до начала новоевропейской метафизики у Декарта и даже еще внутри самой его метафизики все сущее, поскольку оно есть сущее, понималось как *subiectum*. *Subiectum* — это латинский перевод и истолкование греческого и означает подлежащее и лежащее в основе, само собою заранее уже предлежащее. Через Декарта и после Декарта „субъектом“ становится в метафизике преимущественно человек, человеческое „Я“. Как человек входит в роль подлинного и единственного субъекта? Почему этот человеческий субъект накладывается на „Я“, так что субъективность становится тут равнозначна сфере „Я“? Субъективность ли определяет через „Я“ или наоборот, „Я“ через субъективность?»³⁵

³⁵ Хайдеггер [Heidegger] 1993: 117—118.

Ее ощущал и Мишель Фуко: вроде бы твердо выбрав один из полюсов оппозиции («Перед лицом власти, являющейся законом, субъект,

³⁶ Фуко [Foucault] 1996: 184. Вообще субъекту — и именно такому субъекту — посвящена большая часть поздних трудов Фуко.

³⁷ См. совершенно точное примечание переводчицы (Светланы Табачниковой) к русскому изданию цитированной работы: «Непереводимая игра слов: французское *sujet*, происходящее от латинского *subiectus* — „подлежащее“, „подчиненное“, означает одновременно и „отданный во власть“, „подданный“, и „субъект“, „лицо“. Фуко „стягивает“ оба эти значения в глаголе *assujettir* (собственно „подчинять“), подчеркивая момент конституирования субъекта как такового в обоих смыслах, равно как и наличие специальных форм, делающих это конституирование возможным» (Там же: сноска 54).

³⁸ То есть «собственная идентичность» и «собственное сознание» как раз и оказываются условиями *sine qua non* этой специфической подчиненности «внешнему контролю».

³⁹ Агамбен [Agamben] 2011: 12.

который конституирован в качестве такового, то есть „подчинен“, — есть тот, кто повинуется³⁶), он тем не менее использовал для ее описания намеренно неоднозначную лексику — глагол *assujettir* и существительное *assujettissement*³⁷. И Джорджо Агамбен стремился пойти дальше Фуко и сделать то, чего Фуко не сделал: обнаружить «точку совпадения», «зону смещения», «единый центр», где соединяются «процесс субъективации — подчинения, приводящий к тому, что индивид оказывается связанным собственной идентичностью и собственным сознанием и одновременно подчиненным внешнему контролю³⁸», и «политические техники... при помощи которых Государство присваивает и включает в себя заботу о природной жизни индивидов»³⁹. Не забудем и о работах Этьена Балибара, Барбары Кассен, Алена де Либера, Этьена Тассена⁴⁰ — углубляющих то же русло, но обладающих бесспорной самостоятельной ценностью.

Существенным образом поддерживает это смысловое напряжение и побуждает о нем рефлексировать то, что в европейских языках сохраняется прямо на поверхности восприятия еще и треть, базовое значение слова «субъект» — грамматическое. Субъект — ведь это еще и просто-напросто подлежащее: «главный член двусоставного предложения, грамматически независимый от других членов предложения» (так что хайдеггеровское рассуждение носит вполне буквалистский характер). Главный-то он главный; но его главенство парадоксально. Подлежащее есть то, что «помещено, брошено, утверждено в основе... — от *sub*, „под“, и производного от *iacere*, „бросить“»⁴¹. Оно действительно находится в основе; на нем зиждется все дальнейшее; без него все как-то туманно и неопределенно; но чему-то же явно примордиальному по отношению к себе оно все-таки «подлежит»? Чему? Выраженному сказуемому действию, которое подлежащее обречено исполнить? Или тому, кто его туда, в основу, поместил (возможно, просто бросил, со всей неумолимостью рока или Провидения)? И кто бы это мог быть? Кому подвластен субъект, чей он подданный?

В русском языке синонимичность «субъекта» и «подлежащего» стерта, затушевана. Кто помнит, что «подлежащее» появилось в русском языке как калька с кальки, как «поморфемный перевод латинского термина *subjectum*»⁴²? Приглушена и чувствительность к семантике самого «подлежащего», со школьной скамьи воспринимаемого как некий неразложимый иероглиф. Поэтому и в политическом языке России субъект понимается почти исключительно первым из описанных способов (то есть исторически последним и наиболее проблематичным) — как самозарождающаяся первопричина и самодостаточный перводвигатель любого политического действия. Иные смысловые пласты субъектности игнорируются, что подчас приводит к серьезным (и в то же время комичным) последствиям.

NB! Так, примечателен кейс (или, лучше сказать, казус), связанный с именованнием составных частей Российской Федерации. Все

⁴⁰ Balibar 1994; Balibar, Cassin, Libera 2004; Libera 2007, 2008, 2014; Tassin 2007.

⁴¹ Причем тут калька с греческого (аристотелевского) *βλοχέμενον* (Online Etymology Dictionary s.a.).

⁴² Ярцева [Jarceva] (ред.) 1990: 685.

⁴³ Проект [Proekt] 1990.

⁴⁴ Привет Канту.

⁴⁵ Подробности этой истории сообщены мне в порядке частной консультации Олегом Румянцевым, в те годы занимавшим посты секретаря Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации и руководителя Рабочей группы по подготовке проекта Конституции Российской Федерации. Я благодарен ему и за сам рассказ, и за разрешение на него сослаться.

⁴⁶ Еще в 2008 г. увидела свет книга Андрея Захарова под красноречивым названием «Унитарная федерация» — написанная, как сказано в авторском предисловии, «в то время, когда российский федерализм, свежившись под огнем недобросовестной критики, влачил весьма жалкое существование» (Захаров [Zakharov] 2008: 13). С тех

знают, что Федерация складывается из *субъектов*; оно и в Конституции написано (гл.1, ст.5, ст.11; гл.3). Но почему? Кто это придумал? Ни в одном языке мира, кроме русского, и ни в одной федерации, кроме Российской, «субъект» в этом значении не используется: говорят о constituent entities или states (англ.), entités autonomes или Etats fédérés (фр.), Gliedstaaten или Länder (нем.), кантонах, провинциях, даже эмиратах... но не о субъектах. Не было никаких «субъектов» в Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 г.; они появились только осенью 1990 г., в эскизных проектах будущей Конституции Российской Федерации⁴³, затем исчезали, возникали снова в 1991 г. в процессе подготовки Федеративного договора, опять элиминировались, но в итоговый текст Конституции все-таки попали. Весьма показательно, что гордое звание «субъекта» первоначально подразумевало набор весьма ощутительных привилегий в отношениях с федеральным центром и резервировалось исключительно за республиками (остальным предлагалось удовлетвориться именем «федеральных территорий» — впрочем, с возможностью стать республикой через референдум). А главным лоббистом «субъекта» был Рамазан Абдулатипов, в 1990—1993 гг. председатель Совета национальностей Верховного Совета РСФСР (честь же самого изобретения столь радикальной терминологической новации принадлежит, скорее всего, тогдашней советнице Абдулатипова, юристу Любови Болтенковой). «„Националы“ почему-то решили, что „субъект“ — это что-то очень философское⁴⁴, чрезвычайно величественное, автоматически повышающее статус региона, и отчаянно за него бились. Совсем избавиться от „субъекта“ не получилось, удалось только сделать его общим, собирательным понятием, а не эксклюзивным обозначением национальных республик»⁴⁵.

Что ж, история мстительна, и язык мстителен тоже, а уж когда они принимаются мстить совместно... Давно было заметно, что в трудах зарубежных, особенно американских, коллег, вынужденных именовать «субъектами» — то есть «подданными» — constituent entities Российской Федерации, сквозит с трудом скрываемое недоумение. И оно понятно: ну вот попробуйте назвать, например, свободный штат Техас «подданным Федерации», subject of Federation, да еще и конституционно закрепить за ним этот позорный титул. Самые что ни на есть огнестрельные последствия (предусмотренные Второй поправкой к Конституции США) наступят немедленно. Однако в последние годы недоумения поубавилось. Субъекты Российской Федерации действительно стали субъектами — только в смысле, прямо противоположном кантовскому⁴⁶. Так что каждому воздается по делам его. В том числе и тем, кто не ведает, что творит.

*пор «сжеживание»
федерализма толь-
ко усугубилось.*

Все сказанное выше об автономии и субъекте отнюдь не надо понимать в том духе, будто я ратую за восстановление неких «правильных» словоупотреблений и исключение «неправильных». Так не бывает, и так не должно быть: язык не та вещь, которой можно насильственно манипулировать, а соответствующие попытки дорого обходятся манипуляторам. Я только хотел напомнить, что преобладающие узусы этих слов хотя и не случайны, но не являются единственно возможными; что и тут, и там содержатся потенции разворачивания в очень разных направлениях; что автономия не синоним суверенности; что субъект не обязательно суверенен (и даже не обязательно автономен), а автономия не обязательно субъектна. А стало быть, удовлетворение тоски по «автономному субъекту», буде таковое состоится, способно привести в том числе и к таким результатам, которых тоскующие не предвидят и вряд ли хотят. Известная мудрость предупреждает нас, что следует опасаться наших желаний: они имеют свойство сбываться.

Более того, я даже готов до некоторой степени привести свои дальнейшие рассуждения в соответствие с преобладающими узусами — с тем, чтобы не вовсе разрывать связь со сложившимся политическим языком, чтобы, не борясь с силой привычки, проблематизировать его изнутри, а не извне. Чтобы остаться в имеющей свои преимущества позиции «включенного наблюдателя». Поэтому далее я буду исходить из следующих операционализаций (описан не весь спектр вариаций, а только полюса континуальных шкал).

⁴⁷ Субъект только мыслящий, но не действующий, в контексте политического рассуждения интереса не представляет и потому выносится за его рамки.

Автономный субъект — суверенный актер⁴⁷, сам себе устанавливающий и цели политического действия, и средства их достижения.

Неавтономный субъект — несuverенный актер, чьи цели и средства их достижения предписаны внеположными ему самому инстанциями⁴⁸. Такой субъект может быть вовсе неавтономным либо автономным на греческий манер — но не на кантовский. Поэтому я и вынужден называть его неавтономным.

⁴⁸ В обоих случаях подразумевается не тот или иной способ презентации поведения актора для тех или иных целевых аудиторий, а его действительные (то есть для него самого действительные) мотивации.

Автономное политическое — такое состояние политического, когда политический закон устанавливается не иначе как политическими же средствами и способами, когда неполитическое определяет содержание политического закона только опосредованно, а политический закон определяет неполитическую жизнь тоже только опосредованно, не подменяя собой нормы, имеющие иной источник, и уважая границы неполитических доменов.

Неавтономное политическое — такое состояние политического, когда политический закон устанавливается как прямая, непосредственная проекция неполитических мотиваций и/или когда политический закон претендует на прямую, непосредственную регуляцию неполитической жизни. Как правило, эта мембрана проницаема сразу с двух сторон; в пределе (в обоих пределах) неавтономное политическое утрачивает право на отдельное имя, то ли растворяясь в иных порядках взаимодействий, то ли растворяя их в себе. Тотальность политического

трудноотличима от тотальности неполитического; во всяком случае, места для свободы нет ни в одной, ни в другой.

Отсюда легко выводится простейшая четырехчленная логическая матрица возможных комбинаций. При всей ее умозрительности она, как я полагаю, способна подтолкнуть и к вполне прагматическим выводам. Если их не сделать, поборникам ценностей свободы и дальше придется тратить немалые идеальные и (гораздо более малые) материальные ресурсы на то, чтобы не мытьем, так катаньем завести в России побольше автономных политических субъектов, — и сокрушаться о том, что они все как-то никак не заводятся, а те, которые заводятся, упорно не оправдывают ожиданий. «Уж сколько их упало в эту бездну...» Ошибка в выборе цели обходится дороже и исправляется труднее любых других ошибок; однако иного выхода, кроме ее исправления, нет. Итак, каковы возможные комбинации субъекта и политического, образующиеся в зависимости от градуса автономии их обоих?

⁴⁹ *Пай [Pye] 2003: 67. В данном контексте (но только в нем) я позволяю себе абстрагироваться от очень специфического «гносеологического статуса „зеркала Пая“, который «можно... интерпретировать как авторскую версию считающихся общепринятыми правил политической игры, нормативно ориентированных на „избегание тирании“ средствами „правового государства“» (Салмин [Salmin] 1997: 19), — то есть от той выдвинутой Алексеем Салминым гипотезы, что в знаменитой статье «Незападный политический процесс» a contrario подразумевается и проблематизируется Запад, что именно Западу Люсиен Пай предлагал таким образом «посмотреться в зеркало».*

⁵⁰ *Терминология Эдварда Шилза (см. Shils 1975, 1988).*

⁵¹ *Каспэ [Kaspe] 2007: 76—77.*

⁵² *Манан [Manan] 2004: 48.*

⁵³ *Салмин [Salmin] 2009: 155—156.*

⁵⁴ *Основы [Osnovy] 2000.*

1. *Неавтономный субъект в неавтономном политическом.* Таковы были, в самом общем виде, традиционные незападные общества: «...в западных обществах политическая сфера не четко отделена от общественных и личных взаимоотношений»⁴⁹. Таковы же были на протяжении большей части своей истории и традиционные западные общества. Сам потенциал автономизации политического возник, конечно, давно. Он был создан некоторыми уникальными особенностями христианской религиозности, которая допустила и даже потребовала, чтобы под эгидой и знаком одной центральной ценностной системы действовали сразу две функционально специализированные центральные институциональные системы⁵⁰ — *полития* и *экклесия*. Их с неизбежностью возникшее напряжение со временем санкционировало «производство чистых политических форм, их свободное конструирование и переконструирование»⁵¹: ведь Церковь «освобождает профанное пространство, предоставляет... политическим сообществам свободу устраиваться, как им угодно: в отличие от Синагоги, Церковь не является носителем политического закона»⁵². Отсюда же пошла и секуляризация: «обмиршение становится возможным в результате своеобразного... движения в пределах христианской культуры», в которой заложена принципиальная допустимость секуляризации «не как частного, временного, существующего как бы по недосмотру и заблуждению, а как воспроизводящегося состояния»⁵³. Да и автономный субъект возрос от того же корня: «В современном светском правосознании одним из доминирующих принципов стало представление о неотъемлемых правах личности. Идея таких прав основана на библейском учении о человеке как образе и подобии Божиим, как онтологически свободном существе... Христианская социально-государственная этика требовала сохранить для человека некую автономную сферу, где его совесть остается „самовластным“ хозяином»⁵⁴.

Для того чтобы политические сообщества всерьез начали «устраиваться, как им угодно» (точнее, чтобы автономные субъекты начали их устраивать и переустраивать, как *им*, субъектам, угодно), потребовалось очень много времени. Целые века, вместившие и становление территориальных государств, и Возрождение, и Реформацию, и религиозные войны, и Просвещение, и великие революции. А кроме того, и глобальную вестернизацию незападных обществ, в результате которой ни одно из них не оказалось свободным от западного влияния — в том числе и от автономизации политического, хотя и принимающей большей частью превращенные и извращенные формы. Тем не менее *традиционных обществ больше нет*; есть только их имитации, псевдоморфозы, к тому же обычно не заходящие далее стадии досужих мечтаний. Развернуть вспять столь грандиозное движение всего человечества (инициированное Западом, да; но важно не то, что оно было инициировано немногими, а то, что оно захватило многих) вряд ли мыслимо, что бы там ни мечталось Алену де Бенуа, Александру Дугину и прочим экзотическим и экстатическим «мыслителям». Настоящая деавтономизация политического потребовала бы массивной контрреформации, демодернизации, а в конечном счете, пожалуй, и дехристианизации всего Запада и всего мира, что выглядит не слишком реалистично.

Более перспективен в этом отношении радикальный исламистский проект, особенно в версии «Исламского государства», открыто и последовательно манифестирующего нелегитимность вообще любой автономной политической власти и вообще любого автономного политического закона. Между прочим, то, как переводится на западные языки самоназвание этого движения, только дезориентирует — никакого «государства» в известном Западу смысле, подразумеваемом определенную автономию политической сферы, там и близко нет⁵⁵. Впрочем, сценарий утверждения планетарного халифата пока еще кажется фантастическим, а соответствующий сегмент логической матрицы — *неавтономный субъект в неавтономном политическом* — и для России, и для мира в целом нерелевантен. И, хочется верить, еще долго таковым пребудет.

2. *Автономный субъект в автономном политическом*. Преимущества и радости такого положения вещей многократно воспеты теми самыми «романтическими трелями» мэйнстримной политической философии. К этому разряду я отношу (не без некоторых сожалений и с многочисленными оговорками, но все же отношу) и «делиберативную демократию» по Джозефу Бессетту⁵⁶ и Юргену Хабермасу⁵⁷, и «принцип автономии» по Дэвиду Хелду⁵⁸, и «соревновательную демократию» «зрелого Просвещения» по Йену Шапиро⁵⁹, и уже упоминавшуюся «эстетическую политику» по Анкерсмитту, и многое, многое другое. Затруднение в том, что чаемая *сугубая* автономность остается либерально-секуляристской утопией и не более — она ни разу не была достигнута ни в прошлых, ни в актуальных состояниях западных⁶⁰ обществ, в том числе обществ, максимально продвинувшихся по пути либерализации

⁵⁵ В действительности оно именуется *ад-даулят аль-исламийя* (دولة الإسلام التي لا تلوّن); *а ад-даулят, как легко убедиться, заглянув в любой словарь арабского языка, вовсе не «государство» (а также не state, не état, не Staat), а «богатство, до-вольство, процветание». Ошибка не новая: например, «Государство Кувейт» тоже на самом деле зовется ад-даулят аль-Кувейт. И все равно таких ошибок лучше избегать.*

⁵⁶ Bessette [Bessette] 2011.

⁵⁷ Habermas 1996.

⁵⁸ Held [Held] 2014: 425—474.

⁵⁹ Шапиро [Shapiro] 2009: 250—297.

⁶⁰ Здесь и далее под западными понимаются как общества органически и географически западные (с которыми, впрочем, тоже непросто — по отношению к какому «востоку» западными являются Канада и Новая Зеландия?), так и глубоко вестернизованные — Турция, Япония, Южная Корея, Аргентина, Южная Африка etc.

и секуляризации (а надо помнить, что по этому пути западные общества движутся с разными скоростями и не всегда в атмосфере всеобщего энтузиазма). Более того, есть весомые основания полагать, что с переходом к «постсекулярности»⁶¹ (который из гипотезы стремительно превращается в факт) либерально-секулярная утопия отодвинется еще дальше в область воображаемого.

Причина тут не столько в неосуществимости автономизации политического (она как раз может зайти очень далеко), сколько в невозможности приведения всех политических субъектов к состоянию полной автономии. Сами они к нему стремятся далеко не всегда (к немалому разочарованию политических философов и теоретиков), а принудить их к автономии некому и нечем, поскольку способные на подобное принуждение инстанции и институциональные конструкции трудами самих же политических философов и теоретиков капитально дискредитированы. То есть выдержанные в этом духе программы выдвигались, и неоднократно; все они так или иначе восходят к замечательному рассуждению Жан-Жака Руссо: «...чтобы общественное соглашение не стало пустою формальностью, оно молчаливо включает в себя такое обязательство, которое одно только может дать силу другим обязательствам: если кто-то откажется подчиниться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным» (курсив мой — С.К.). Ибо таково условие, которое, подчиняя каждого гражданина отечеству, одновременно тем самым ограждает его от всякой личной зависимости: условие это составляет секрет и двигательную силу политической машины⁶². Вот *assujettissement* во всей своей красе. И ведь Руссо совершенно прав: без подвешенного над каждым гражданином дамоклового меча репрессии⁶³ мечтавшаяся ему «политическая машина» была бы неработоспособна. Но благодаря предпринятым в XX в. опытам практической реализации подобных программ (а особенно благодаря их оглушительным провалам) количество последовательных сторонников принуждения к свободе заметно поубавилось... Да и без интеллектуальной дискредитации дело бы все равно не пошло: как показала история Нового времени, когда некто располагает ресурсами принуждения, то возвращение автономной субъектности — примерно последнее, на что он их употребит. А если вдруг, по каким-то таинственным причинам, употребит, то в недолгом времени расстанется с самими ресурсами принуждения, да еще и станет объектом насмешек и ненависти — как то произошло с Михаилом Горбачевым...

В эмпирически наблюдаемой реальности западных обществ (в отличие от воображенной в тиши кабинетов или гомоне аудиторий) по-настоящему автономный политический субъект — редкая птица. Даже там, где автономия политического достаточно развита, субъекты обычно приходят в сферу политического извне, из других сфер и доменов, будучи движимы неполитическими по своей природе мотивациями (когда более высокими, когда более низкими — это уже область

⁶¹ Milbank 1990; Vries, Sullivan (eds.) 2006; Habermas 2006; Хабермас, Ратцингер (Бенедикт XVI) [Habermas, Ratzinger (Benedict XVI)] 2006.

⁶² Руссо [Rousseau] 2000: 211.

⁶³ Само существование которого, как он дважды подчеркивает, следует удерживать в молчании, в секрете. Но от кого? Не от гражданина же, который, наоборот, должен трепетать, «пока блистающий меч правосудия не сверкнул над ним красными лучами» (Михаил Булгаков)? Должен знать, «что делают в комнате 101 <...> Это все знают. В комнате 101 — то, что хуже всего на свете» (Джордж Оруэлл). Тут есть о чем поразмыслить.

оценочных и вкусовых суждений). Реже, но случается и так, что субъекты покидают сферу политического, возвращаясь к своему прежнему *modus vivendi* или находя какой-то новый. Уже пребывая в сфере политического, субъекты не только продолжают поддерживать связь с теми неполитическими источниками ресурсов (и материальных, и ценностных), которые позволили им туда проникнуть, но и ищут новые — также за ее пределами. Естественно, в этом поиске политические субъекты встречают множество заранее протянутых навстречу рук — и каждое новое подключение к неполитической ресурсной базе опять-таки ограничивает их политическую автономию. Об автономных субъектах легко *рассуждать*; но много ли можно *назвать* политиков или партий, чьи цели и средства определялись бы исключительно или хотя бы преимущественно их собственным произволением? То есть некоторых таких политиков и некоторые такие партии назвать, пожалуй, можно; но это одноразовые продукты в стиле *catch all*, способные быстро оккупировать выбранный сегмент политического рынка, сорвать куш (обычно небольшой) — и удовлетворенно сойти со сцены. Те же из них, кто претендует на большее, кто прилагает усилия к тому, чтобы на сцене задержаться, автономию *volens nolens* и *ipso facto* утрачивают. Так ли это плохо, если вспомнить, что политика как род человеческих занятий есть попечение об общем благе (включая, конечно, конкурентную борьбу различных представлений о том, в чем оно состоит)? Способен ли позаботиться об общем благе (пусть в том числе из эгоистических побуждений — если нет других способов обеспечить благо собственное) тот, в чьем горизонте представлений никакого блага, кроме собственного, вообще не существует?

3. *Автономный субъект в неавтономном политическом*. Ровно такова российская политика. Наше политическое неавтономно, с какой стороны ни посмотри. С одной стороны, его постоянно лишают собственного содержания и достоинства:

- российское политическое сгибается под прессом экономических и даже бухгалтерских интересов (ни слова о «Газпроме» или «Роснефти»; достаточно вспомнить, как раз за разом перенося и совмещения выборов, да и прочие судорожные модификации электоральных процедур мотивируются необходимостью «экономии бюджетных средств». Ну как можно ставить момент выявления гражданских предпочтений, то есть *pervus vivendi* любой демократической или претендующей быть демократической политики, в зависимость от «цены вопроса?»);
- российское политическое покоряется интересам самосохранения правящей группы, представляемым как интересы сообщества в целом посредством риторических формул (уже, пожалуй, мантра) «стабильность», «преемственность власти», «реальные дела», «у оппозиции нет позитивной программы», «если не мы, то кто?», «без нас все развалится» etc. Сами эти формулы абсолютно неоригинальны, в них ничего специфически российского; они используются

в демократической политике всегда и везде, и нередко с успехом; их эксплуатация любой правящей группой совершенно рациональна; однако автономное политическое предоставляет нормативные и институциональные средства, заметно ограничивающие эффективность этих «заклинаний реальности». В отсутствие таких средств — а они у нас почти отсутствуют — амальгамирование интересов правящей группы и управляемого ею сообщества осуществляется невозбранно и с совершенным успехом;

— российское политическое персонифицируется до крайности — до того, что условием его существования, более того, существование самой политики уже полагается физическое бытие одной персоны. «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России»⁶⁴. Даже Феофан Прокопович в своем знаменитом «Слове на погребение Петра Великого» не проповедовал подобной обреченности: начав за упокой («Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се? Не сонное ли нам привидение? О, как истинная печаль! О, как известное наше злоключение!»), он все же нашел в себе силы продолжить за здравие («Не весьма же, россияне, изнемогаем от печали и жалости, не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш <...> Какову он Россию свою сделал, такова и будет»)⁶⁵. Похоже, 300 лет назад российское политическое было более автономным, чем сейчас. Потому и уверенности в будущем было побольше.

С другой стороны, российское политическое постоянно предпринимает (точнее, от его имени предпринимаются) вылазки в смежные сферы. Политическим с легкостью необыкновенной подменяется то этика, то экономика, то религия, то наука, то культура, то спорт — да все, что по тем или иным соображениям требуется политизировать, и ничего заведомо неполитического просто не существует. Дабы обойтись без перебора многочисленных общеизвестных примеров (то есть без очередного растравления язв и раздирания одежд), ограничусь указанием на один, в котором все отдельные случаи отразились как в капле воды: на упорное и по-своему логичное нежелание властей и ведомств хоть сколько-нибудь предметно определить понятие политической деятельности, появившееся в 2012 г. в Федеральном законе № 121-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента». Напомню: политической деятельностью, в соответствии с буквой закона, признается участие «(в том числе путем финансирования) в организации и проведении политических акций в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, а также в формировании общественного мнения в указанных целях». Главное сказано в последней части предложения, начинающейся со слов «а также»: она недвусмысленно гласит,

⁶⁴ Слова первого заместителя главы администрации президента Вячеслава Володина, сказанные 22 октября 2014 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», даются в двойном пересказе — в изложении газеты «Известия», сошедшейся, в свою очередь, на главу Фонда развития гражданского общества Константина Костина (<http://izvestia.ru/news/578379>). Впрочем, ни от одного из упомянутых лиц опровержений не поступало.

⁶⁵ Прокопович [Prokopovich] 1979: 53—54.

что политическая деятельность, что бы там ни говорил здравый смысл, не обязательно состоит в «организации и проведении политических акций», что политической в потенции является любая публичная активность вплоть до трамвайной ругани, тоже ведь способной формировать общественное мнение «в указанных целях». Таким образом норма принимает неограниченно дискреционный характер, тем более что правоприменительная практика сплошь и рядом игнорирует прописанные в том же законе исключения: «К политической деятельности не относится деятельность в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного и животного мира, благотворительная деятельность, а также деятельность в области содействия благотворительности и добровольчества». И не случайно игнорирует; разве можно позволить, чтобы столько всего оказалось а priori выведено за рамки политического? Что же тогда останется от политического? И прежде всего от удобств дискреционного политического контроля над всем неполитическим?

Субъекты же, оперирующие в пространстве такого дважды неавтономного политического, в большинстве своем автономны. Не в том смысле, что они фундаментально или хотя бы инструментально свободны, — конечно, нет. Они сцеплены многочисленными узами патрон-клиентных и принципал-агентских отношений, и свободен (очень *sui generis*) исключительно тот, кто находится на вершине пирамиды зависимостей (я, кстати, склонен думать, что таких пирамид много, и почти поголовная внешняя лояльность по отношению к тому субъекту, который занимает позицию на макушке высочайшей из них, нередко носит не только демонстративный, но и симулятивный характер). А в том смысле они автономны, что им «закон не писан» (то есть никакой закон, внешний и высший по отношению к их потребностям и интересам), что они порождают закон суверенным образом, сами из себя, не апеллируя к ценностям, не склоняясь перед ними, а эксплуатируя их. Причем пишут и переписывают они закон в конкурентном и конфликтном режиме «террариума единомышленников», «бульдогов под ковром». Любые лояльности и договоренности в этом террариуме и под этим ковром временны, ситуативны, цементированы прежде всего инстинктом самосохранения (который, как хорошо известно, может и обмануть, и вообще утратиться). Платон ведь предупреждал (устаами Афинянина из «Законов»): «Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-то властью. Там же, где закон — владыка над правителями, а они — его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги»⁶⁶. Но какой же российский политический субъект, одержимый «эффективной политикой», станет прислушиваться к столь нелепому предуждению? Гораздо приятнее внимать Фрасимаху: «Справедливость...

⁶⁶ *Nóμοι 715d.*

⁶⁷ Πολιτεία
338c, d, e.

это то, что пригодно сильнейшему», ибо «силу имеет тот, кто у власти»; «устанавливает же законы всякая власть в свою пользу»⁶⁷. Греческие полисы и политики в свое время вняли Фрасимаху, а не Афинянину; и боги от них отвернулись. Россия, кажется, твердо вознамерилась проследовать по тому же пути. Что ж, «безумству храбрых» поются соответствующие песни. Обычно в тональности траурного марша.

Именно гипертрофированная до суверенности автономия политических субъектов является одним из главных (хотя, конечно, не единственным) препятствием к автономизации политического. Своевольным, своекорыстным акторам противно любое оплотнение барьеров между политическим и неполитическим, поскольку оно сужает их «кормовую базу», то есть поле удовлетворения их своеволия и своекорыстия. Автономизация политического ограничила бы автономию политических субъектов, затруднив их набег на неполитическое. Поэтому они ее и не допускают, что очень логично. Но кто тогда может выступить инициатором и партизаном автономизации политического? Не сами же автономные субъекты, наслаждающиеся своей автономией?

Нет, не они. Довольно нелепо надеяться, что умножение числа автономных субъектов каким-то волшебным образом приведет к автономизации политического и вообще к приведению российского политического в более здоровое состояние, — это количество в это качество не конвертируется, и даже наоборот. В сегодняшней России автономные политические субъекты подобны червям, питающимся от открытой раны. Надо не разводить червей, а заживлять рану; содействовать же ее заживлению могут, наоборот, субъекты неавтономные. Не любые, конечно; и успех терапии не гарантирован. Но врач лечит и в отсутствие гарантий исцеления. Такую уж клятву он принес.

4. *Неавтономный субъект в автономном политическом.* Тут недостаточно сделанного выше, в п.2, указания на то, что западные политики (а равно политики «демократические», «развитые», «процветающие» etc. — все эти разные имена относятся, за редкими исключениями, к одной и той же группе обществ) располагаются именно в этом сегменте нашей логической матрицы. Уж слишком хорошо в России научились, придавая зеркальный смысл известной поговорке, отделяться от подобных указаний сомнительной апофегмой «что немцу здорово, то русскому смерть». Чтобы обосновать желательность именно такого положения вещей, нужны не сопоставительные, а содержательные аргументы. И они существуют.

Прежде всего нужно понять и принять (второе, благодаря Канту, кантианцам и неокантианцам всех мастей, гораздо труднее), что неавтономность или частичная автономность субъекта может быть не только причиной слабости, но и источником силы. Таким источником она стала еще в иудейской религиозной традиции, в которой абсолютная покорность субъекта абсолютно трансцендентному Богу означала, что ни для какой иной власти над этим субъектом просто не остается места, что от всех остальных властей он совершенно свободен. Что субъект

по имени Моисей может встать перед фараоном и сказать: «Отпусти народ Мой»⁶⁸. И, что еще более странно, целый народ пойдет за Моисеем от египетских «котлов с мясом» в пустыню — и там, заключив Завет, уже сам станет коллективным субъектом и вершителем собственной судьбы. «Израиль собирается выйти из дома рабства. Рабы, служившие рабам государства, отныне последуют Голосу свыше, пойдут путем совершенной свободы. Образ человечества! Свобода человека — это свобода вольноотпущенника, помнящего о своем рабстве и солидарно-

⁶⁹ Левинас
[Levinas] 2004:
453.

го со всеми, кто порабощен»⁶⁹. Эмманюэль Левинас был совершенно точен в выборе аналогии: неавтономный или частично автономный, но не суверенный субъект есть именно вольноотпущенник, отпущенный на свободу с некоей целью, посланный с посланием. Он не свою волю исполняет, а волю своего Господина; но это Господин настолько могущественный, что никакие другие господа и господства остановить его посланника не властны. Кроме смерти, конечно. Но и ее жало вырвано⁷⁰.

⁷⁰ 1 Кор. 15:55.

Другое дело, что в иудейской религиозной традиции сила *неавтономной политической субъектности* употреблялась в основном для того, чтобы не допустить *автономизации политического*, — любая политическая власть воспринималась как потенциально узурпирующая суверенитет Бога Израиля над Израилем, более или менее быстро дискредитировалась (прежде всего стараниями пророков) и сходилла на нет. Затем — уже христианством, о чем говорилось ранее, — автономизация политического все же была санкционирована. Результатом стало ее медленное, мучительное развитие, продвигали которое опять же неавтономные субъекты — искавшие и находившие источник своего права и своей способности менять порядок мирских взаимодействий либо в той же христианской трансценденции, но по-своему переформулированной⁷¹, либо в трансцендировании государства, все равно предпринимаемом по заданному христианством образцу. Вот несколько утверждений, сделанных очень разными авторами, но бьющих в одну точку. Расположены они не в хронологическом порядке, а в порядке пошагового раскрытия общей для них мысли.

⁷¹ Например, Мартин Лютер — кто посмел бы назвать его автономным субъектом? А в того, кто посмел бы, он, скорее всего, запустил бы чернильницей.

«Построение государства сопровождается созданием своего рода общего исторического трансцендентального»⁷².

⁷² Бурдьё [Bourdieu] 1999: 154.

«Либо суверенитет ничего не значит, либо он означает *отдельную и трансцендентную* верховную власть — находящуюся не на вершине, но *над* вершиной... и управляющую всем политическим сообществом *свыше*. Вот почему эта власть абсолютна»⁷³.

⁷³ Маритен [Maritain] 2000: 40—41.

«Поскольку государственная власть всеобъемлюща, постольку она носит божественный характер»⁷⁴.

⁷⁴ Шмитт [Schmitt] 2006: 149.

«Современное государство не преемственно по отношению к другим политическим формам — оно представляет собой превращенную Церковь»⁷⁵.

⁷⁵ Dumont 1985: 94.

Однако сила неавтономных субъектов осталась при них. Она варьирует в зависимости от успешности и убедительности того или

⁷⁶ *Закономерный вопрос о сравнительной истинности различных трансцендирований — то есть о том, действительно ли трансцендентен их объект и можно ли вообще трансцендировать нечто, не являющееся трансцендентным in genere (например, политическое), — выносятся за скобки как не имеющие ответа, отыскиваемого средствами науки. Ответ на него ищется (и находится) на иных путях.*

⁷⁷ См. Hanley (ed.) 1994; Kselman, Buttigieg (eds.) 2003.

иногo политического трансцендирования⁷⁶; она истощается, когда ресурсы легитимации того или иного политического трансцендирования исчерпываются (как то случилось с монархией Романовых или с Советским Союзом); но пока она есть, она работает. Что самое интересное, она продолжает работать даже изнутри уже автономизированного политического. Именно такова — пример самый наглядный и потому позволяющий обойтись без многих других, осложненных привходящими обстоятельствами, но тоже имеющих в резерве, — христианская демократия, в основе которой лежит трудная в исполнении амбиция сообразования секулярного (i.e. автономного) политического порядка с неполитическими по своей природе христианскими ценностями до той степени, до которой это возможно без упразднения самой его секулярности (i.e. автономии)⁷⁷. И тем не менее эта амбиция в какой-то (и иногда существенной) мере реализуема. Простейшая иллюстрация: Германия — неоспоримо сильнейшая страна Европы; бундесканцлерин Ангела Меркель — неоспоримо сильнейший европейский лидер; возглавляемый Меркель Христианско-демократический союз (купно с баварским Христианско-социальным союзом) — неоспоримо сильнейшая партия Германии; если кто-то хочет поспорить с тем, что эта констелляция сил находится в прямой причинно-следственной связи с упорно поддерживаемым самоопределением христианской демократии как заведомо неавтономного политического проекта, то... было бы любопытно взглянуть на его аргументы.

Интересно, что та же германская политика содержит и пример обратного свойства. Взлет популярности партии «Зеленых» в 1980—1990-х годах был обусловлен прежде всего ее очевидной ценностной неавтономностью: тогдашние «Зеленые» открыто пренебрегли всей той сетью интересов и зависимостей, в которой запутались традиционные акторы, поставили *неполитические* мотивации (экологические, пацифистские, антикапиталистические) выше правил политической игры — и именно поэтому добились немалых *политических* успехов. Однако затем «Зеленые» эволюционировали в сторону автономии, одну за другой предавая заявленные ценности, определяя свои политические цели и средства их достижения со все меньшей на них оглядкой. Став автономными, «Зеленые» закономерно утратили политическую силу — не просто после, но именно что вследствие этого.

Более того, только неавтономный субъект может обрести доступ к высшей политической силе — к силе учреждения и переучреждения самого сообщества, придания ему *политической формы*. Написав эти слова, я оказываюсь вынужден сделать сложносоставную отсылку к некоторым своим текстам прошлых лет, да еще и сопровождающуюся явно выходящим за пределы *comme il faut* обильным самоцитированием. Увы, иного выхода у меня нет; именно сейчас возникла наконец точка сборки этих текстов, соединяющая их в некое расширенное целое. Специально подчеркну: важнейшим стимулом к возникновению такого синергетического эффекта стала наша с Михаилом Ильиным

⁷⁸ Каспэ [Kaspe] 2012б, 2015; Ильин [Ilyin] 2014, 2015.

недавняя полемика, развернувшаяся на страницах «Политиии»⁷⁸. Пользуясь случаем, чтобы еще раз выразить коллеге Ильину свою неподдельную признательность.

⁷⁹ Каспэ [Kaspe] 2012б: 13.

Под политической формой я разумею *«интегрированную композицию взаимно комплементарных пространственных метафор власти»*, которая в определенных условиях места и времени, для определенной политики (или для ансамбля политий) играет роль одновременно *«дескриптивную, аскриптивную и прескриптивную»*⁷⁹. При этом я, несмотря на критические замечания Ильина и даже некоторым образом благодаря им (потому что они способствовали укреплению моей исходной позиции), остаюсь при своем мнении относительно «конфигурации “центр/вертикаль — периферия” как ключевой в ряду пространственных метафор, используемых для указания на конкретные особенности той или иной политической формы и для их различения между собой», и продолжаю полагать, что «метафора центра — это метафора власти *par excellence*»⁸⁰. Подробно об этом я писал в первой главе своей книги «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма»⁸¹; и в ней же было сделано одно наблюдение, тогда не получившее должного развития. Вот оно:

⁸⁰ Каспэ [Kaspe] 2015: 59.

⁸¹ Каспэ [Kaspe] 2007: 10—44.

«Что значит — иметь центр? Какова, хотя бы в самом общем виде, семантика этого слова, какие смыслы несет оно в себе и внедряет в социальную реальность (или отцеживает из нее)? Словарь Макса Фасмера предлагает следующую генеалогию: „Через нем. Zentrum — то же из лат. centrum от греч. κεντρον 'острие (циркуля)'“⁸². Один из лучших этимологических словарей английского языка, The American Heritage® Dictionary of the English Language, уточняет, что κεντρον, в свою очередь, восходит к глаголу κεντεiv — прокалывать, причем морфема kent- отнесена к разряду древнейших индоевропейских корней. Таким образом, понятие „центр“ изначально (по крайней мере, в пределах индоевропейской языковой семьи) содержит некоторые смысловые компоненты, возможно, большей частью латентные, но от того не менее значимые.

Прежде всего: „центр“ есть нечто единичное и при этом, во-первых, окруженное множественностью, во-вторых, производящее ее. Совершаемое циркулем движение очерчивания, выделяющее и ограничивающее фигуру в бесконечной плоскости, *следует за* движением обозначения, намечающим центр будущего круга и делающим возможным его возникновение. Принципиально важно, что одновременно с представлением о центре вводится и представление о вертикали, вторгающейся в плоскость и возвышающейся над ней. Центр появляется в результате воздействия некоей внешней по отношению к плоскости силы, которая помечает своим присутствием единственную точку (что, кстати, позволяет задаться вопросом о критериях ее выбора) — и следующим ходом очерчивает ту совокупность, что будет отныне выступать в качестве порожденной центром и неразрывно с ним связанной периферии»⁸².

⁸² Там же: 24.

Затем, спустя восемь лет, повисший в воздухе вопрос о «*критериях выбора центральной точки*» пришлось перезадавать — с той мотивацией, что «его имеет смысл адресовать только тому, кто совершает этот выбор. Так кто же держит циркуль? Кто его направляет, кто устанавливает одну его ножку в центр, ipso facto обращающийся из потенциального в актуальный, а другой совершает „движение очерчивания“? Кто определяет режим взаимодействий между центром (который — не надо забывать важную оговорку Шилза — сам представляет собой „целый кластер центров и контрцентров“⁸³), субцентрами и перифериями? Тот, кто это делает, определяет форму; в геометрии — геометрическую, в политике — политическую. Тот, кто это делает, обладает властью установления и конституирования, властью царя, по Эмилю Бенвенисту, то есть властью „отделения внешнего от внутреннего, священного царства от царства профанного, своей земли от чужой“⁸⁴. И эта власть не просто политическая (хотя политическая тоже); она мета- и супраполитическая, она предшествует всякой другой политической власти, которая впредь будет осуществляться в назначенных пределах и в положенной форме»⁸⁵.

⁸³ Shils 1988: 253.

⁸⁴ Бенвенист [Benveniste] 1995: 252.

⁸⁵ Каспэ [Kaspé] 2015: 61—62.

⁸⁶ «Легитимация центра достигается согласованием его с некоторыми фундаментальными нормами, неотъемлемо присущими космическому или природному порядку либо предписанными верховной трансцендентной мощью. Поэтому мы можем говорить о трансцендентном центре, о центре, располагающемся по ту сторону (beyond) событий и установлений рутинного земного бытия, возвышающемся над ними» (Shils 1988: 254).
Как легко догадаться, я полагаю, что принять этот тезис Шилза надо (см. Каспэ [Kaspé] 2012a: 41—52).

Однако и на этот раз вопрос был поставлен не вполне корректно. Если принять и тот тезис Шилза, что центры земной власти (и ценностной, и институциональной) успешно функционируют постольку, поскольку успешно и убедительно их трансцендирование⁸⁶, то спрашивать, «кто держит циркуль», бессмысленно — ответ снова располагается за пределами научного и, шире, рационального знания. Важнее установить другое: кто ощущает себя циркулем, который некто (кем бы этот некто ни был) держит и направляет?

Неавтономный субъект и ощущает, причем независимо от того, на чем основано и насколько основательно с точки зрения стороннего наблюдателя его ощущение. Именно неавтономность дает субъекту силу и власть определять и переменять форму объекта — формируемая материя такой силой и властью не обладает и сама из себя ее породить не может. Субъект всякого формирования, в том числе политического, — субъект в обоих смыслах. Он формирует потому, что в замысле и в процессе формирования руководствуется неким внеположным и себе, и трансформируемому им субстрату идеальным образцом. Руководствуется... или руководим. В любом случае тот, кто хочет обрести подлинную власть, должен пренебречь собственной автономией. И только тот, кто ей пренебрег, может обрести доступ к подлинной власти.

Осталось прояснить три момента. Во-первых, следует ли отсюда, что неавтономность политического субъекта, i.e. его субординированность тем или иным неполитическим, протополитическим или метаполитическим инстанциям, есть нечто само по себе благое, что такие субъекты будут непременно ориентированы на благо и исключительно благом наполнится то политическое, которое станет ареной их деятельности? Вовсе нет. Как заметил Льюис, «духи, знаете ли, бывают

разные». И ценности бывают разные, в том числе противоположные, в том числе враждебные. Благо и зло соревнуются на одном поле; в их различении и столкновении — эссенциальная суть политики. Просто потому, что «всякое политическое действие руководствуется мыслью о лучшем или худшем. Однако мысль о лучшем или худшем подразумевает мысль о благе»⁸⁷. А следовательно, и мысль о зле, ибо нельзя помыслить благо, не учитывая возможность уклонения от него, отрицания его и деятельного ему сопротивления. Поэтому метафорой политики, творимой неавтономными субъектами, неизбежно будет не рынок, а война. Не торжище, где все имеет свою цену (а значит, любая ценность может быть куплена, продана и снова куплена), а битва, в которой все значения предельны (а значит, ничто не продается и не покупается). Так разве сражение воинств не привлекательнее (этически и эстетически), чем кишение червей? Тем более что черви — то есть *автономные политические субъекты* — заводятся как раз на полях недавних сражений, а пища их — тела павших бойцов. В войне можно проиграть; но можно ведь и победить. Что точно нельзя, так это победить, вообще сложив оружие, предпочтя войне сдачу на милость противника (да и милости, скорее всего, не будет). А особенно нельзя победить червей, будучи одним из них, пользуясь их приемами и не пытаясь стать кем-то другим.

Во-вторых, почему же тогда предпочтительнее, чтобы война неавтономных политических субъектов разворачивалась в автономном политическом? А вот именно потому оно предпочтительнее, что в таком случае есть шанс оставить «войну» метафорой, «переносом смысла» и не более. Причем отсылать эта метафора будет не столько к тотальным⁸⁸ и гибридным⁸⁹ мясорубкам последних полутора столетий, сколько к более благородным обычаям прежних времен — когда еще было принято щадить мирное население, беречь жилища и посевы, сходитьсь в схватке в назначенное время и в назначенном месте, уважать пленных etc. Эти правила нарушались, как и любые правила; но все же то были *правила*. А правила (они же институты, формальные и неформальные) суть главная линия обороны от политического зла. «Различения, разделения, кливажи, мембраны, фильтры и прочие средостения, существующие внутри политического, сами по себе не тождественны политическому благу. Но их отсутствие или дисфункциональность (i.e. проницаемость сверх меры либо, наоборот, закупорка сверх той же самой меры) тождественны политическому злу»⁹⁰. Однако генеральное различие, внутри которого работают все остальные (и не работают в его отсутствие), — это различие политического и неполитического, достигаемое *автономизацией политического*. «Зло проникает через пробоины и бреши в стенах политического порядка — в стенах Города»⁹¹. Горе тому городу, стены которого пали — либо не успели толком воздвигнуться и теперь разрушаются. Последнее сказано о нас. О российском политическом.

В-третьих, обязательно ли неавтономными политическими субъектами будет произведена автономизация российского политического,

⁸⁷ Штраусс [Strauss] 2000: 9.

⁸⁸ Ludendorf 1935.

⁸⁹ Mattis, Hoffman 2005.

⁹⁰ Каспэ [Kaspe] 2014: 25.

⁹¹ Там же: 15.

а не что-либо иное? Нет, не обязательно. Потому что те неавтономные субъекты, в программу которых такая автономизация войдет, могут и проиграть свою войну, тем более что война будет вестись ими на два фронта — и против червей, и против столь же неавтономных соперников, вдохновленных иными ценностями. Но ставить все равно больше не на кого и не на что, а сетования о недостатке автономных субъектов только сбивают с толку — их и так переизбыток. Чтобы противостоять политическому злу, нам, наоборот, нужны неавтономные политические субъекты. Только они способны сделать российское политическое автономным. И тем самым не допустить, чтобы форма, которую российское политическое обретает (рано или поздно обретет; уже почти обрело), стала бы очередной формой зла.

Библиография

Агамбен Дж. 2011. *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. — М. [Agamben G. 2011. Homo Sacer. Suverennaja vlast' i golaja zhizn'. — М.].

Александр Дж. 2013. Культурсоциология зла // Александр Дж. *Смыслы социальной жизни: культурсоциология*. — М. [Alexander J. 2013. Kul'tursociologija zla // Alexander J. Smysly social'noj zhizni: kul'tur-sociologija. — М.].

Анкерсмит Ф. 2014. *Эстетическая политика: Политическая философия по ту сторону факта и ценности*. — М. [Ankersmit F. 2014. Ehsteticheskaja politika: Politicheskaja filosofija po tu storonu fakta i cennosti. — М.].

Ахутин А.В., Филиппов А.Ф. 2013. Переписка о Шмитте и политическом // *Социологическое обозрение*. Т. 12. № 1 [Akhtutin A.V., Filippov A.F. 2013. Perepiska o Schmitte i politicheskom // Sociologicheskoe obozrenie. Т. 12. № 1].

Батай Ж. 2006. *Проклятая часть: Сакральная социология*. — М. [Bataille G. 2006. Prókljataja chast': Sakral'naja sociologija. — М.].

Бессетт Дж.М. 2011. *Тихий голос разума: Делиберативная демократия и американская система государственной власти*. — М. [Bes-sette J.M. 2011. Tikhij golos razuma: Deliberativnaja demokratija i amerikanskaja sistema gosudarstvennoj vlasti. — М.].

Бурдьё П. 1999. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Шматко Н.А. (ред.) *Поэтика и политика*. — М., СПб. [Bourdieu P. 1999. Dukh gosudarstva: genezis i struktura bjurokraticeskogo polja // Shmatko N.A. (red.) Poehtika i politika. — М., SPb.].

Гаман-Голутвина О.В. 2006. Проблема субъекта модернизации в России: историко-концептуальные аспекты и современное состояние // *Российские элиты в условиях консолидации власти*. — Пермь [Gaman-Golutvina O.V. 2006. Problema sub'ekta modernizacii v Rossii: istoriko-konceptual'nye aspekty i sovremennoe sostojanie // Rossijskie ehliny v uslovijakh konsolidacii vlasti. — Perm'].

Гельман В.Я. 2010. Россия в институциональной ловушке // *Pro et Contra*. Т. 14. № 4—5 [Gel'man V. 2010. Rossiya v institucional'noj lovushke // *Pro et Contra*. Т. 14. № 4—5].

Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. 2007. *Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования.* — М. [Gudkov L.D., Dubin B.V., Levada Ju.A. 2007. Problema «ehlity» v segodnjashnej Rossii: Razmyshlenija nad rezul'tatami sociologicheskogo issledovaniya. — M.].

Заславская Т.И. 2001. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Заславская Т.И. (ред.) *Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса: Международный симпозиум 19—20 января 2001 г.* — М. [Zaslavskaja T.I. 2001. O sub'jektno-dejatel'nostnom aspekte transformacionnogo processa // Zaslavskaja T.I. (ed.) *Kto i kuda stremitsja vesti Rossiju?.. Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo transformacionnogo processa: Mezhdunarodnyj simpozium 19—20 janvarja 2001 g.* — M.].

Захаров А.А. 2008. *Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме.* — М. [Zakharov A.A. 2008. Unitarnaja federacija: Pjat' ehtjudov o rossijskom federalizme. — M.].

Зенкин С.Н. Сакральная социология Жоржа Батая // Батай Ж. 2006. *Проклятая часть: Сакральная социология.* — М. [Zenkin S.N. Sakral'naja sociologija George Bataille // Bataille G. 2006. Prókljataja chast': Sakral'naja sociologija. — M.].

Зудин А.Ю. 2002. *Режим Владимира Путина: контуры новой политической системы.* — М. [Zudin A.Ju. 2002. Rezhim Vladimira Putina: kontury novoj politicheskijj sistemy. — M.].

Зудин А.Ю. 2004. Политический моноцентризм в России: от режима — к системе? // Ворожейкина Т.Е. (ред.) *Пути России: существующие ограничения и возможные варианты.* — М. [Zudin A.Ju. 2004. Politicheskijj monocentrizm v Rossii: ot rezhima — k sisteme? // Vorozhejkina T.E. (ed.) *Puti Rossii: sushhestvujushhie ogranichenija i vozmozhnye varianty.* — M.].

Зудин А.Ю. 2007. Моноцентрический режим трансформируется в сетевую структуру // *Политком.ru* [Zudin A.Ju. 2007. Monocentricheskijj rezhim transformiruetsja v setevuju strukturu // *Politkom.ru*] (<http://www.politcom.ru/print.php?id=4699>).

Зудин А.Ю. 2008. Деконцентрация высших эшелонов власти очевидна // *Эксперт*. № 20 [Zudin A.Ju. 2008. Dekoncentracija vysshikh ehshelonov vlasti ochevidna // *Ehkspert*. № 20] (<http://www.expert.ru/printissues/expert/2008/20/zudin/#print>).

Ильин М.В. 2014. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (I) // *Полития*. № 4 [Ilyin M.V. 2014. Al'ternativnye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (I) // *Politeia*. № 4].

Ильин М.В. 2015. Альтернативные политические формы в исторических временах и цивилизационных пространствах (II) // *Полития*. № 1 [Ilyin M.V. 2015. Al'ternativnyye politicheskie formy v istoricheskikh vremenakh i civilizacionnykh prostranstvakh (II) // *Politeia*. № 1].

Кант И. 1965. Основы метафизики нравственности // Кант И. *Сочинения: В 6 т.* Т. 4. Ч. 1. — М. [Kant I. 1965. *Osnovy metafiziki npravstvennosti* // Kant I. *Sochinenija*: V 6 t. T. 4. Ch. 1. — M.].

Каспэ С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма.* — М. [Kaspe S.I. 2007. *Centry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma.* — M.].

Каспэ С.И. 2012а. *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай.* — М. [Kaspe S.I. 2012a. *Politicheskaja teologija i nation-building: obshhie polozhenija, rossijskij sluchaj.* — M.].

Каспэ С.И. 2012б. О понятии политической формы // *Полития*. № 4 [Kaspe S.I. 2012b. O ponjatii politicheskoy formy // *Politeia*. № 4].

Каспэ С.И. 2014. Определяя политическое зло // *Полития*. № 3 [Kaspe S.I. 2014. *Opredeljaja politicheskoe zlo* // *Politeia*. № 3].

Каспэ С.И. 2015. Еще о понятии политической формы: форма и субъект (Ответ Михаилу Ильину) // *Полития*. № 2 [Kaspe S.I. 2015. *Eshhe o ponjatii politicheskoy formy: forma i sub'ekt* (Otvét Mikhailu Ilyinu) // *Politeia*. № 2].

Клямкин И.М. (ред.) 2007. *Российское государство: вчера, сегодня, завтра.* — М. [Kljamkin I.M. (ed.) 2007. *Rossijskoe gosudarstvo: vchera, segodnja, zavtra.* — M.].

Левинас Э. 2004. *Избранное: Трудная свобода.* — М. [Levinas E. 2004. *Izbrannoe: Trudnaja svoboda.* — M.].

Майер Х. 2012. *Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического».* — М. [Mayer H. 2012. *Carl Schmitt, Leo Strauss i «Ponjatie politicheskogo».* — M.].

Манан П. 2004. *Общедоступный курс политической философии.* — М. [Manan P. 2004. *Obshhedostupnyj kurs politicheskoy filosofii.* — M.].

Маритен Ж. 2000. *Человек и государство.* — М. [Maritain J. 2000. *Chelovek i gosudarstvo.* — M.].

Олейников Д.И. 2009. *Бенкендорф.* — М. [Olejnikov D.I. 2009. *Benkendorf.* — M.].

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. 13—16.08.2000 [Osnovy social'nojj koncepcii Russkojj Pravoslavnojj Cerkvi. 13—16.08.2000] (<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>).

Павловский Г.О. 2014. *Система РФ в войне 2014 года: De Principatu Debili.* — М. [Pavlovsky G.O. 2014. *Sistema RF v vojne 2014 goda: De Principatu Debili.* — M.].

Павловский Г.О. 2015. Без политики // *Гефтер* [Pavlovsky G.O. 2015. *Bez politiki* // *Gefter*] (<http://gefter.ru/archive/15070>).

Пай Л. 2003. Незападный политический процесс // *Политическая наука*. № 2 [Pye L. 2003. Nezapadnyj politicheskijj process // *Političeskaja nauka*. № 2].

Проект Конституции Российской Федерации от 5 октября 1990 г. [Proekt Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 5 oktjabrja 1990 g.] (<http://rumiantsev.ru/a609/>).

Прокопович Ф. 1979. Слово на погребение Петра Великого // Западов В.А. (сост.) *Русская литература XVIII века: 1700—1775. Хрестоматия*. — М. [Prokopovich F. 1979. Slovo na pogrebenie Petra Velikogo // Zapadov V.A. (ed.) *Russkaja literatura XVIII veka: 1700—1775. Khrestomatija*. — М.].

Руссо Ж.-Ж. 2000. *Об общественном договоре*. — М. [Rousseau J.-J. 2000. *Ob obshhestvennom dogovore*. — М.].

Салмин А.М. 1997. Предисловие научного редактора // Лейпхарт А. *Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование*. — М. [Salmin A.M. 1997. Predislovie nauchnogo redaktora // Lijphart A. *Demokratija v mnogostavnykh obshhestvakh: Sravnitel'noe issledovanie*. — М.].

Салмин А.М. 2009. *Современная демократия: Очерки становления и развития*. — М. [Salmin A.M. 2009. *Sovremennaja demokratija: Očerki stanovlenija i razvitija*. — М.].

Сафронов П.А. 2014. Бессубъектная политика: траектории // *Гефтер* [Safronov P.A. 2014. Bessub'ektnaja politika: traektorii // *Gefter*] (<http://gefter.ru/archive/13151>).

Согомонов А.Ю. 2014. Гражданское образование и патриотизм // *Общая тетрадь*. № 1 [Sogomonov A.Ju. 2014. Grazhdanskoe obrazovanie i patriotizm // *Obshhaja tetrad'*. № 1] (<http://otetrad.ru/article-591.html>).

Филиппов А.Ф. 1992. Наблюдатель империи (Империя как социологическое понятие и политическая проблема) // *Вопросы социологии*. Т. 1. № 1 [Filippov A.F. 1992. Nabljudatel' imperii (Imperija kak sociologičeskoe ponjatie i političeskaja problema) // *Voprosy sociologii*. Т. 1. № 1].

Фуко М. 1996. Воля к знанию. История сексуальности. Т. 1. // Фуко М. *Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет*. — М. [Foucault M. 1996. Volja k znaniju. Istorija seksual'nosti. Т. 1. // Foucault M. *Volja k istine: Po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let*. — М.].

Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). 2006. *Диалектика секуляризации: О разуме и религии*. — М. [Habermas J., Ratzinger J. (Benedict XVI). 2006. *Dialektika sekuljarizacii: O razume i religii*. — М.].

Хайдеггер М. 1993. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. *Время и бытие*. — М. [Heidegger M. 1993. Evropejskijj nigilizm // Heidegger M. *Vremja i bytie*. — М.].

Хелд Д. 2014. *Модели демократии*. — М. [Held D. 2014. *Modeli demokratii*. — М.].

Цыпин В.А. 1994. Церковное право. — М. [Cypin V.A. 1994. *Serkovnoe pravo*. — М.].

- Шапиро** Й. 2009. *Моральные основания политики*. — М. [Shapiro I. 2009. *Moral'nye osnovanija politiki*. — M.].
- Шмитт** К. 1992. Понятие политического // *Вопросы социологии*. Т. 1. № 1 [Schmitt C. 1992. *Ponjatje politicheskogo // Voprosy sociologii*. Т. 1. № 1].
- Шмитт** К. 2006. *Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса*. — СПб. [Schmitt C. 2006. *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbsa*. — SPb.].
- Штраус** Л. 2000. Что такое политическая философия? // Штраус Л. *Введение в политическую философию*. — М. [Strauss L. 2000. *Chto takoe politicheskaja filosofija? // Strauss L. Vvedenie v politicheskiju filosofiju*. — M.].
- Ярцева** В.Н. (ред.) 1990. *Лингвистический энциклопедический словарь*. — М. [Jarceva V.N. (red.) 1990. *Lingvisticheskiij ehnciklopedicheskiij slovar'*. — M.].
- Валибар** E. 1994. *Subjection and Subjectivation* // Corjec J. (ed.) *Supposing the Subject*. — L.
- Валибар** E., Cassin B., Libera A. de. 2004. *Sujet* // Cassin B. (ed.) *Vocabulaire européen des philosophies*. — P.
- Biehl** J.G., Good B., Kleinman A. (eds.) 2007. *Subjectivity: Ethnographic Investigations*. — Berkeley.
- Boyne** R. 2001. *Subject, Society and Culture*. — L.
- Christman** J. (ed.) 1989. *The Inner Citadel: Essays on Individual Autonomy*. — N.Y.
- Christman** J., Anderson J. (eds.) 2005. *Autonomy and the Challenges to Liberalism: New Essays*. — N.Y.
- Coburn** B. 2010. *Autonomy and Liberalism*. — N.Y.
- Collier** D., Hidalgo F.D., Maciuceanu A.O. 2006. Essentially Contested Concepts: Debates and Applications // *Journal of Political Ideologies*. Vol. 11. № 3.
- Conly** S. 2013. *Against Autonomy: Justifying Coercive Paternalism*. — Cambridge.
- Dumont** L. 1985. A Modified View of Our Origins: The Christian Beginnings of Modern Individualism // Carrithers M., Collins S., Lukes S. (eds.) *The Category of the Person: Anthropology, Philosophy, History*. — Cambridge.
- Dworkin** G. 1988. *The Theory and Practice of Autonomy*. — N.Y.
- Eisenstadt** S.N. 1963. *The Political Systems of Empires*. — N.Y.
- Gallie** W.B. 1956. Essentially Contested Concepts // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Vol. 56.
- Habermas** J. 1996. *Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy*. — Cambridge.
- Habermas** J. 2006. Religion in the Public Sphere // *European Journal of Philosophy*. Vol. 14. № 1.
- Hanley** D.L. (ed.) 1994. *Christian Democracy in Europe: A Comparative Perspective*. — L.

- Hill** T. 1991. *Autonomy and Self-Respect*. — N.Y.
- Korsgaard** C.M. 2001. *The Sources of Normativity*. — N.Y.
- Krupp** T. 2010. *Autonomy* // Bevir M. (ed.) *Encyclopedia of Political Theory*. — Thousand Oaks.
- Kselman** T., Buttigieg J.A. (eds.) 2003. *European Christian Democracy: Historical Legacies and Comparative Perspectives*. — Notre Dame.
- Libera** A. de. 2007. *Archéologie du sujet. Vol. 1: Naissance du sujet*. — P.
- Libera** A. de. 2008. *Archéologie du sujet. Vol. 2: La Quête de l'identité*. — P.
- Libera** A. de. 2014. *Archéologie du sujet. Vol. 3: La double révolution. L'acte de penser*. — P.
- Ludendorf** E. 1935. *Der totale Krieg*. — München.
- Mattis** J.N., Hoffman F.G. 2005. *Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars* // *Proceedings Magazine*. Vol. 132. № 11 (<http://milnewstbay.pbworks.com/f/MattisFourBlockWarUSNINov2005.pdf>).
- Milbank** J. 1990. *Theology and Social Theory: Beyond Secular Reason*. — Oxford, Cambridge.
- Online Etymology Dictionary** (<http://www.etymonline.com/index.php?term=subject>).
- Prozorov** S. 2014. *Theory of the Political Subject: Void Universalism*. — N.Y.
- Renaut** S. 1989. *L'Ere de l'individu: Contribution à une histoire de la subjectivité*. — P.
- Sakwa** R. 2010. *The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*. — Cambridge.
- Sakwa** R. 2013. *Power and Policy in Putin's Russia*. — L., N.Y.
- Samaddar** R. 2010. *Emergence of the Political Subject*. — New Delhi.
- Shils** E. 1975. *Center and Periphery: Essays in Macrosociology*. — Chicago.
- Shils** E. 1988. *Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935–1987* // Greenfeld L., Martin M. (eds.) *Center: Ideas and Institutions*. — Chicago, L.
- Strozier** R.M. 2002. *Foucault, Subjectivity, and Identity: Historical Constructions of Subject and Self*. — Detroit.
- Tassin** E. 2007. *L'Europe cosmopolitique et la citoyenneté du monde* // *Raison publique. Ethique, politique et société*. № 7 (Démocratie: la voie européenne).
- Veltman** A., Piper M. (eds.) 2014. *Autonomy, Oppression, and Gender*. — Oxford.
- Vries** H. de, Sullivan L.E. (eds.) 2006. *Political Theologies: Public Religions in a Post-Secular World*. — N.Y.